УДК 94(571.54)„1937/1938":343.3:343.52
doi: 10.18101/2305-753X-2017-3-38-41

РЕПРЕССИИ В БУРЯТИИ: СФАБРИКОВАННЫЕ ДЕЛА НКВД В 1930-е ГОДЫ

© Цыжипов Этигил Барадиевич
кандидат исторических наук, доцент
кафедра «Философия, история и культурология»
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
E-mail: etihil@mail.ru

В статье рассмотрены трагические страницы советского прошлого Бурятии. На основе архивных материалов и опубликованных работ проанализированы особенности фабрикации панмонгольского дела в ходе политических репрессий 1937–1938 гг. В это время любой советский гражданин, независимо от положения и заслуг, мог быть арестован. Ни о каких доказательствах вины человека речи не было. Главным в таких делах было добиться от обвиняемого личного признания, поскольку оно было объявлено «царицей доказательств». В последующем было установлено, что на территории БМАССР никакой антисоветской панмонгольской организации не существовало, а дела на ее участников были сфабрикованы бывшими работниками НКВД СССР и БМАССР.
Ключевые слова: репрессии, Бурятия, М. Н. Ербанов, арест, террор, фальсификация, фабрикация, следствие, обвиняемый, допрос.

Трагическими страницами советского времени являются сталинские репрессии, пик которых пришелся на 1937–1938 гг. Репрессии прокатились по всей стране. Любой советский гражданин, независимо от положения, званий, регалий, мог стать объектом преследования со стороны государства. Без сомнения, в ходе проведения массовых репрессий И. В. Сталин укреплял свое личное господство и беспрекословное подчинение. Многие злоупотребления, характерные для этого времени, в последующем глубоко пустили корни в систему управления. И прежде всего это касается правоохранительных органов.

Если до 1937 г. со стороны партийных комитетов и прокуратуры существовал формальный контроль за органами НКВД, то в 1937–1938 гг. они были полностью выведены за эти рамки. На время проведения репрессий за НКВД закреплялись функции универсального, подотчетного лишь узкой группе высших руководителей, репрессивного института, призванного произвести кадровую чистку в сферах госаппарата и партии, включая также саму правоохранительную систему.

Наибольшую огласку в Бурятии в это время получило дело «контрреволюционной панмонгольской, националистической, повстанческо-диверсионной, вредительской организации» [4]. В духе фабриковавшихся тогда дел во главе такой организации оказался первый секретарь Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) М. Н. Ербанов.

Как же раскручивались такие откровенно сфальсифицированные дела, тем более что в делах осужденных, кроме их собственных показаний и показаний других участников организации, объективных доказательств не имелось? Объяснение простое и в то же время страшное. Вначале подследственные все отрицали

или молчали. Кто-то выдерживал и не оговаривал себя и других. Однако многие ломались и признавали себя врагами народа, давали «нужные» показания и составляли списки людей, якобы участвовавших в контрреволюционной деятельности, или просто подписывали заранее заготовленные сотрудниками НКВД списки. Они же служили в дальнейшем материалами для других следственных дел. Невозможно не согласиться с мнением, что «перед тем как жертву расстрелять, ее полностью расчеловечивали, лишали личности. На тот свет система отправляла людей, уже оклеветавших своих друзей и своих коллег (вынужденно)» [3].

Следует отметить, что многие признания прорабатывались по определенному сценарию. Слишком похожи предъявленные обвинения, структура признательных показаний, мелькают одни и те же фамилии из числа известных людей республики, в завершение — целые списки «членов» или «руководителей» «контрреволюционной панмонгольской организации». Из материалов дел следовало, что панмонгольский заговор, правотроцкистская организация в Восточной Сибири, Бухарин и Рыков в Москве — все это звенья террора, окутавшего всю страну и направленного против руководства страны, против самого советского строя. Таким образом, получалось, что «враги народа» подбирались под вполне конкретные вымышленные антипартийные, оппозиционные, националистические и другие организации, даже под конкретные личности.

Главным в таких делах было добиться от обвиняемого личного признания, поскольку оно было объявлено «царицей доказательств». И в наши дни нередки случаи в уголовной практике, когда показания выбиваются из подследственных, дела в основном базируются на них, а все остальные процессуальные действия направлены на подтверждение этих показаний.

Факты о злоупотреблениях и фальсификациях появились в связи с арестом сотрудников НКВД БМАССР, непосредственных исполнителей массовых репрессий. В июне 1940 г. военным трибуналом Забайкальского военного округа за фальсификацию уголовных дел были осуждены уже бывшие работники НКВД БМАССР Ткачев (нарком внутренних дел), Полканов, Гайковский, Кочетков и Трибой. В процессе следствия по их делам было установлено, что они производили массовые необоснованные аресты советских граждан и путем избиений и применения других мер физического воздействия получали от арестованных показания об их принадлежности к якобы существовавшей панмонгольской организации.

Особоуполномоченный НКВД СССР Ярославский в своем рапорте в Комиссию НКВД СССР 24 февраля 1940 г. писал, что вряд ли можно верить показаниям Данилова, Доржиева и других участников панмонгольской организации, т. к. почти все показания арестованных писал следователь Осипов, а протоколы подписывались Ткачевым, Баком, Гайковским.

Допрошенный 24 октября 1956 г. Осипов Г. И. показал, что на территории БМАССР никакой панмонгольской организации не существовало, а дела на ее участников были сфальсифицированы работниками НКВД БМАССР Ткачевым, Гайковским, Баком, Полкановым. Осипов признал, что по указаниям В. А. Ткачева он допрашивал «на конвейере» Доржиева и ряд других бывших руководящих работников БМАССР и таким путем заставлял их подписывать протоколы с вымышленными показаниями [1, л. 112].

О применении к Доржиеву, Данилову и другим арестованным физических мер воздействия показал на допросе в 1955 г. и другой бывший работник НКВД БМАССР Обухов. Так, в отношении гражданина Д. он показал следующее: «Он допрашивался несколько суток без сна и отдыха. После дачи им первичных показаний он снова допрашивался таким же методом, от него добивались назвать большее количество участников контрреволюционной организации. В результате он называл дополнительно участников контрреволюционной организации, которые затем подвергались аресту». Так же Обухов показал, что «для арестованных участников панмонгольской организации, равно как и для других арестованных, бывший заместитель Наркома внутренних дел БМАССР Бак ввел камеры-отстойники, т. е. в обыкновенную камеру на 2–4 человека водворяли по двадцать и более человек, которые могли только стоять, сесть и лечь было негде. Кто не мог долго выдержать, тот должен был вызвать надзирателя и заявить ему о готовности давать показания» [2, л. 146–147].

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что на территории БМАССР никакой антисоветской панмонгольской организации не существовало, а дела на ее участников были сфабрикованы бывшими работниками НКВД СССР и БМАССР. Не нашло своего подтверждения в ходе проверки и обвинение осужденных во вредительстве.

Стоит отметить, что фальсификации дел во многом способствовала психология повальной шпиономании, всеобщей подозрительности и анонимного доносительства, подлости и трусости, насаждавшаяся повсюду. Но несмотря на самые страшные обвинения, кроме набора фраз и политических лозунгов, никаких доказательств в делах не имелось.

Нет сомнения в том, что репрессии 1937–1938 гг. были подготовлены заранее. В немалой степени этому способствовало смещение предшествующего руководства НКВД БМАССР, а приезд в 1937 г. большой группы «специалистов», среди которых были Ткачев, Полканов, Гайковский и другие, только ускорил трагическую развязку.

Исходя из совокупности фактов рассматриваемого периода, можно сделать заключение, что программа массовых арестов преследовала решение нескольких задач: ликвидацию основного ядра партийного аппарата с целью его обновления; устранение части управленцев и военных кадров; изъятие потенциально «враждебных элементов», включая национальные группы, имевшие этническую принадлежность к «враждебным государствам», и всех подозреваемых в нелояльности советской системе. Добиться этого законными методами было невозможно. Отсюда массовая фальсификация дел, чему в немалой степени способствовало фактическое упразднение прокурорского надзора, осуществлявшего контроль за деятельностью работников НКВД.

Литература

1. Архив УФСБ РФ по РБ, д. 4030/с.
2. Архив УФСБ РФ по РБ, д. 3833/с.
3. Меламед Ю. Дело Карагодина. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/ melamed/
4. Цыжипов Э. Б. История политических репрессий в Бурят-Монголии (1928–июнь 1941 г.): монография. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 284 с.

References

1. Arkhiv UFSB RF po RB, d. 4030/s.
2. Arkhiv UFSB RF po RB, d. 3833/s.
3. Melamed Yu. Delo Karagodina. URL: https://www.gazeta.ru/comments/column/ melamed/
4. Tsyzhipov E.B. Istoriya politicheskikh repressii v Buryat-Mongolii (1928–iyun' 1941 g.): monografiya. Ulan-Ude: Izd-vo VSGUTU, 2012. 284 p.

REPRESSIONS IN BURYATIA:
FORGED CASES IN THE NKVD IN THE 1930s

Etigil B. Tsyzhipov
Cand. Sci (History), A/Prof.
Department of Philosophy, History and Cultural Studies
East-Siberian State University of Technology and Management
E-mail: etihil@mail.ru

The article considers the tragic pages of the Soviet past of Buryatia. Based on archival materials and published works, the features of the fabrication of the Pan-Mongolian case during the political repressions of 1937–1938 were analyzed. At that time, any Soviet citizen, regardless of position and merit, could be arrested. There was no question of any evidence considering a person is guilty. The main thing in such cases was to obtain a personal confession from the accused, because it was declared “the queen of evidence”. Later it was found that no anti-Soviet Pan-Mongol organization existed on the territory of the BMASR, and the casesagainst its participants were fabricated by former NKVD and BMSSR officials.
Keywords: repressions, Buryatia, M. N. Erbanov, arrest, terror, falsification, fabrication, investigation, accused, interrogation.